

нальном историческом архиве Беларуси, Литовском государственном историческом архиве. Деятельность отдельных профессиональных учебных заведений Беларуси задокументирована в обширных фондах, содержащих по несколько сотен или даже тысяч единиц хранения (Горечские сельскохозяйственные учебные заведения 4333 ед. хр., Полоцкая учительская семинария 1048 ед. хр. Могилевская центральная фельдшерско-акушерская школа 438 ед. хр. в Национальном историческом архиве Беларуси), сведения о других – (Молодечненская, Несвижская учительские семинарии, Гомельское техническое железнодорожное училище) настолько скудны и отрывочны, что существенно затрудняют изучение истории их возникновения и развития. Источники, имеющие отношение к деятельности одних и тех же профессиональных учебных заведений, зачастую хранятся в разных архивах, а внутри одного архива – в разных фондах.

Итак, проведенная нами классификация делопроизводственной документации по проблеме профессионального образования Беларуси позволила выделить опубликованные и архивные источники, распределенные по функциональному назначению, происхождению, субъектам, которые вели делопроизводство. Классификация продемонстрировала информационный потенциал отдельных групп документов, дала возможность рассмотреть их во взаимодействии. Историковедческая разработка комплекса делопроизводственной документации по истории профессиональной школы представляет сложную задачу из-за большого количества документов различных органов высшего, центрального и местного управления и многократного дублирования содержащихся в них сведений. Несмотря на высокую информативную ценность делопроизводственных источников, полномасштабную и достоверную картину развития профессионального образования Беларуси можно создать лишь посредством изучения всего комплекса письменных источников, в том числе законодательных актов, периодической печати и материалов личного происхождения.

1. Гомельское техническое железнодорожное училище. Отчет о состоянии Гомельского технического железнодорожного училища при Либаво-Роменской железной дороге за 1908–1909 учебный год. – Гомель : Типо-Литография Г. М. Бриля, 1909. – 41 с.
2. Грицкевич, В. П. Теория и история источниковедения : пособие / В. П. Грицкевич, С. Б. Каун, С. Н. Ходин. – Минск : БГУ, 2000. – 221 с.
3. Отчет общества вспомоществования нуждающимся ученикам Минского еврейского первоначального училища с ремесленным отделением за 1903 год. – Минск : Типография П.А. Клиориной, 1904. – 12 с.
4. Отчет общества доставления бедным евреям г. Минска средств для обучения ремеслам за 1914 г. – Минск : Типолитография Б.И.Соломонова, 1915. – 24 с.
5. Отчет о состоянии учебных заведений Виленского учебного округа за 1914 год. – Вильно : Типография А.Г. Сыркина, 1915. – 105 с.
6. Отчет по Могилевской центральной повивальной школе за 1884 год / составитель С. Липинский. – Могилев на Днепре : Ско-ропечатня и литография Ш. Фридланда, 1885. – 33 с.
7. Протоколы педагогических советов Несвижской и Молодечненской учительских семинарий. – Вильно : б.м., 1877. – 27 с.
8. Червякова, Е.М. Источники по истории профессионального образования Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Е. М. Червякова. – Тюмень, 2005. – 23 с.

Амбарцумян К.Р.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАВКАЗСКИХ ЭТНОСОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Современное историческое знание актуализирует ряд проблем междисциплинарного характера, соответственно меняются подходы применительно к неоднократно используемым историческим документам. Прежде, чем говорить об особенностях фундирования исторического исследования следует остановиться на специфике самой проблемы.

Сравнительно недавно гуманитарные науки стали использовать исследовательские методы имагологии. Речь идет о научной дисциплине, изучающей «своих», «других» для воспринимающего субъекта представителей этносов, культур и т.д. [1, с. 31]. Интерес темам имагологического характера неизбежно выводит на уровень изучения самоидентификации представителей отдельных локальных сообществ и социальных групп, так при изучении отражаемых в источнике образов необходимо характеризовать и сам воспринимающий субъект. В свою очередь, как пишет современная исследовательница В. Манапова, этноидентичность является ядром локальной социокультурной системы [4]. Этническая самоидентификация и самосознание как исследовательские проблемы приобретают особое значение в условиях кавказского региона, так как его уникальность обусловлена не только геополитическим положением, но и этнокультурным многообразием.

Обратимся к психологической трактовке понятий «этническая идентичность» и «этническое самосознание». В первом случае речь идет о чувстве принадлежности к этнической общности по тем или иным параметрам этногенеза. Этническое самосознание является результатом широкой идентификации (территориальную, культурную, языковую, религиозную, обрядовую, расовую, антропологическую, психологическую и др.) [14, с. 67]. В историческом исследовании целесообразнее ориентироваться именно на все виды идентификаций, которые сопровождают этноидентичность. В соответствии с этой установкой и должен осуществляться поиск источников.

Среди источников изучения специфики самоидентификации в исторической ретроспективе особое место занимают документы, содержащие взгляд изнутри самого этнического или локального сообщества на самих себя. Дореволюционная история Кавказа представлена разнообразными источниками, включая многотомное издание «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), издававшееся Управлением Кавказского учебного округа. Издание осуществлялось с 1881 года по 1915 г. и было приостановлено на 44 выпуске в связи с начавшейся Первой мировой войной. В 1920-е гг. вышло еще два дополнительных тома.

В предисловии первого тома составители обозначили цель, которая звучит вполне утилитарно – «поддержание духовной деятельности начальных учителей» [8, с. I]. Этим и объясняется обилие сочинений, составленных учителями, работавшими как в сельской, так и городской среде. К структуре описаний местностей предъявлялись требования, обусловившие их комплексность, что позволяет выявлять основные составляющие идентификации (культурной, религиозной, территориальной и т.д.), в том числе и этнической. В дальнейшем составители разнообразили жанры, поэтому в содержании можно обнаружить фольклор, дневниковые записи, этнографические описания, статистические обзоры, словари местных языков, описания лингвистических особенностей, известия иностранных авторов и т.д.

В рамках поставленной проблемы ценность материалов СМОМПК сложно переоценить, так как многие из них являются тот самый «взгляд изнутри», который позволит проводить реконструкцию этнической самоидентификации отдельных локальных сообществ региона. Речь идет не только о кавказских народах, но и широко представленном славянском населении. При обращении к самоидентификации решающее значение имеет авторство источника, в котором принципиальным моментом является этническая принадлежность пишущего. Примером может служить описание дагестанского аула Чох, записанное А. Барсовым со слов ученика Темир-Хан-Шурина реального училища Омара Каранаилова [1]. Литературная обработка рассказа привела к тому, что этническая принадлежность описываемого населения ушла на второй план. Национальность как рассказчика, так и жителей Аула не называется. А. Барсов иногда прибегает к этнониму «татары», который часто использовался в дореволюционной России применительно к кавказскому населению, что стало своего рода литературной традицией. Чаще употребляется название «горцы».

Более отчетливое представление о множественной идентичности автора дает сообщение Г.-М. Дебирова [2] о дагестанских аулах, расположенных недалеко от г. Темир-Хан-Шура. Он пишет о кумыках и определенно ассоциирует себя с ними. Этот текст иллюстрирует другую группу источников, авторы которых одновременно находились на службе у Российской империи (Г.-М. Дебиров был всадником конно-иррегулярного полка), получив российское образование, и были представителями какого-либо северокавказского народа. В таких случаях автор является носителем сетки идентичностей, с одной стороны, довлеет его этническое происхождение, с другой – территориальная принадлежность, а с другой – нахождение на службе у Российской империи. Поэтому кумыки представляются как особая группа, отличная от остальных горцев, и в тоже время отмечается позитивное культурное влияние «приближенности к русскому городу Темир-Хан-Шуре» [2, с. 27]. Комплекс такого рода источников позволяет изучить не только особенности этнического самосознания конкретных локальных сообществ. На их основе реконструируется специфика самоидентификации этнической кавказской интеллигенции, получившей образование в России, связанной с ней, но не порвавшей с малой родиной.

Смотритель двухклассного реального нормального училища И. Давидбеков описал карабахское селение Гадрут [9]. Информационный потенциал текста позволяет реконструировать сетку локальной идентичности, как коллективной (скорее всего, автор собирал информацию среди жителей), так и индивидуальной, то есть самого автора как представителя интеллигенции. И следует отметить, что в данном случае акцент делается не на этнической или религиозной

идентичности (что характерно для северокавказских текстов), а на территориальных, культурных и исторических консолидирующих общность признаках.

Тексты, составленные педагогами сельских школ и училищ, как правило, отличает одно общее свойство, которое не зависит от этнической или религиозной принадлежности пишущего. Образованность и социальный статус автора зачастую превалировал над этнорелигиозной идентичностью. Смотритель Геранского двухклассного земского училища Гассан-бек-Багиров, описывая азербайджанское население Геран-Бой-Ахмедлы, вслед за имперской традицией называет их татарами [6]. В данном случае единственным основанием для отождествления себя с местным населением является принадлежность к общей религии – исламу. Социальная самоидентификация превалирует в сочинении смотрителя Касапетского сельского училища Г. Израелова [3], который с осуждением и даже с чувством культурного превосходства описывает семейное воспитание детей в семьях армян, которое, безусловно, отличалось традиционностью и виделось автору анахроничным.

Этнорелигиозная самоидентификация, конструируемая на основе текстов СМОМПК, основана не только на отождествлении индивида или сообщества с этносом, религией или локусом, но и на соотношении себя с «другим» или «чужим», что тоже нашло отражение в текстах издания. Кроме того, единство, основанное на многообразии Кавказа при комплексном изучении материалов СМОМПК, становится очевидным, так легко выявляются пути и способы межкультурной коммуникации внутри региона. Таким примером стал обычай вспомоществования домашним скотом в случаях его массовой гибели, существовавший среди «армян и татар Закавказья» [13]. Например, заимствования армянами села Касапет костюма и традиций приводит вышеупомянутый смотритель сельского училища Г. Израелов [10], хотя сам факт оценивается им крайне негативно. Повторение и рецепция ряда традиций, способов ведения хозяйства свидетельствуют о мирном взаимодействии локальных сообществ Кавказа. Здесь источники фиксируют региональный уровень самоидентификации.

Одним из факторов, влияющих на этническую самоидентификацию является пространственный маркер, консолидирующие общность на основе общей территории проживания. К ним можно отнести святые места, исторические и археологические памятники, которые маркируют не только пространство, но и места памяти в контексте сохранения исторической памяти. СМОМПК содержит большое количество подобных описаний, которые имеют значение и в локальном, и в региональном масштабе. Например, учитель Заромгской школы Р. Сикоев описал родник Хусаг-дон, ставшей святыней для местного населения. Примером локальной идентичности жителей Нахичеванского уезда Эриванской губернии, стал монастырь Кармир Ванк. Близость расположения к селению Астапат обусловила его второе название Астапатский [5].

Славянское население на Кавказе было неоднородным по национальному, социальному, религиозному и т.д. признакам. В самостоятельную группу можно выделить тексты, описывающие казачьи станицы. Например, учитель станичного училища М. Афанасьев описал станицу Терскую [12]. Примечательно, что локальное сообщество станичников содержит в себе сегменты, образованные по религиозному признаку: православные, старообрядцы, молокане и баптисты.

Таким образом, представленные исторические источники способствуют реконструкции множества идентичностей кавказского населения, которые образуют систему, базирующуюся на ощущении этнической принадлежности. Важным качеством вышеописанных документов, стала их направленность на сообщество, представленное конкретным аулом, селением, станицей и т.д. В этой связи мы можем увидеть не только внутренние этнические границы, но и множество мелких перегородок между отдельными локусами. В свою очередь, работа с комплексом источников позволяет воспринимать Кавказ в единстве, так как сетка идентичностей его жителей включает отождествление себя с регионом.

1. Аул Чох // Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа (СМОМПК). – Тифлис : Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частую на Кавказе, 1884. – Вып. 4. – С. 1–24.

2. Дагестанские предания и суевия // СМОМПК. – Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частую на Кавказе, 1884. – Вып. 4. – С. 25–38.

3. Домашнее воспитание армян Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии // СМОМПК. – Тифлис : Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частую на Кавказе, 1889. – № 7. – С. 73–76.

4. Манапова, В. Этническая самоидентификация как основа цивилизационной системы [Электронный ресурс] / В. Манапова. – Режим доступа: http://ecsosman.hse.ru/data/368/389/1217/011_hotinets.pdf. – Дата доступа: 18.04.2015.

5. Монастырь «Кармир-ванк» // СМОМПК. – Тифлис : Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частую на Кавказе, 1900. – № 27. – С. 54–64.

6. Некоторые характерные черты жителей селения Геран-Бой-Ахмедлы, Елисаветпольской губернии Елисаветпольского уезда // СМОМПК. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1887. – № 6. – С. 177–185.
7. Папилова, Е. В. Имагология как гуманитарная наука / Е. В. Папилова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 31–40.
8. Предисловие // СМОМПК. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. – №1 – С. I–XXIV.
9. Село Гадрут Елисаветпольской губернии Джебраильского уезда // СМОМПК. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1888. – № 6. – С. 153–192.
10. Село Касапет Елисаветпольской губернии Джеванширского уезда // СМОМПК.– Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1892. – № 13. – С. 42–58.
11. Спящий родник Хусаг-дон // СМОМПК. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1882. – № 2. – С. 161–164.
12. Станица Терская Сунженского отдела Терской области // СМОМПК. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1893. – № 16. – С. 101–133.
13. Тамазлук, как обычай взаимного вспомоществования домашним скотом // СМОМПК. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1889. – № 7. – С. 69–70.
14. Хотинец, В. Ю. О содержании понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание / В. Ю. Хотинец // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 67–74.

Карпекін К.Р.

ПАМЯТНЫЯ КНІЖКІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ ЯК КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ІЎДЗЕЙСКІХ АБШЧЫН У СЯРЭДЗІНЕ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ ст.

Значнае месца ў жыцці поліканфесійнага насельніцтва, якое пражывала ў беларускіх губернях Расійскай імперыі ў сярэдзіне ХІХ – пачатку ХХ ст., займалі іўдзеі. Калі ў 1847 г. на згаданай тэрыторыі налічвалася амаль 226 тыс. прадстаўнікоў іўдзейскага веравызнання, то да 1897 г. іх колькасць узрасла да 724,5 тыс. чалавек. У такіх буйных гарадах, як Бабруйск, Віцебск, Гомель, Магілёў, Мінск, яны складалі 50–60 % насельніцтва, а ў цэлым па беларускіх губернях – 13,6 % [1, с. 326]. Натуральна, прадстаўнікі іўдзейскай канфесіі аказвалі значны ўплыў на сацыяльна-эканамічнае, палітычнае і культурнае жыццё насельніцтва беларускіх губерняў.

Важнай крыніцай па гісторыі цэнтральнай і ўсходняй Беларусі з’яўляюцца памятныя кніжкі Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў, якія рыхтаваліся губернскімі статыстычнымі камітэтамі. Выданні выходзілі адпаведна ў 1845–1916 гг., 1853–1916 гг. і 1845–1916 гг. [2]. Мэтай дадзенага даследавання з’яўляецца аналіз звестак, датычных іўдаізму, якія ўтрымліваюцца ў памятных кніжках беларускіх губерняў.

Усю інфармацыю з указаных вышэй выданняў магчыма аб’яднаць у пэўныя тэматычныя групы:

- статыстычныя звесткі пра колькасць асоб паводле веравызнання, у тым ліку і іўдзеяў. Інфармацыя пададзена ў выглядзе табліц, асобныя графы якіх прысвечаны кожнаму з паведаў пэўнай губерні і кожнаму павятоваму цэнтру. Акрамя таго што пададзены агульны лік прадстаўнікоў таго ці іншага веравызнання, асобна падлічана колькасць мужчын і жанчын. Такія табліцы змешчаны амаль ва ўсіх памятных кніжках Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў;

- статыстычныя звесткі пра колькасць прадстаўнікоў розных саслоўяў (у тым ліку пра іўдзейскае духавенства). У табліцах звесткі прыведзены для губернскіх і павятовых цэнтраў, а таксама для кожнага з паведаў. У памятных кніжках Віцебскай губерні такія звесткі друкаваліся ў 1860–1890-я гг., Магілёўскай – у 1860–1910-я гг., Мінскай – у канцы 1850-х, а таксама з сярэдзіны 1860-х да канца 1890-х гг., а ў выданнях першай паловы 1880-х гг. прыводзіліся звесткі толькі ў цэлым па Мінскай губерні;

- статыстычныя звесткі пра колькасць нованароджаных (асобна па кожнай з канфесій). Інфармацыя была пададзена па павятовых цэнтрах і па паветах, прычым асобна прыводзіліся звесткі пра хлопчыкаў і дзяўчынак. Па Віцебскай губерні такія звесткі змяшчаліся ў кнігах за 1860-я гг., а за астатнія гады – эпізадычна. У памятных кніжках Магілёўскай губерні падобная інфармацыя – вельмі рэдка, затое ў іх табліцы былі самымі падрабязнымі (акрамя ўказаных вышэй паказчыкаў паведамлялася колькасць законна- і незаконнанароджаных дзяцей). Што тычыцца Мінскай губерні, то ў 1850–1880-я гг. статыстыка пра нованароджаных змяшчалася дастаткова рэдка, найбольш поўна яна прадстаўлена ў 1890-я гг.;

- статыстычныя дадзеныя пра памерлых іўдзеяў і прадстаўнікоў іншых канфесій. У адпаведных табліцах маецца інфармацыя па ўсіх павятовых цэнтрах і паветах кожнай з губерняў, пра пол памерлых, зрэдку ўказаны іх узрост. У памятных кніжках Віцебскай і Магілёўскай губерняў